
РОЛЬ МЕТАФОРЫ В НОВЕЙШЕЙ ДАГЕСТАНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Х.И. Ильясов

Дагестанское региональное отделение Федерации Мира и Согласия РФ
ул. Мира, 7, Каспийск, РД, 367000

В статье анализируются четверостишия современных национальных поэтов, пишущих на русском языке. В их творчестве выявляется ассоциативный метафорический ряд символов и образов.

Ключевые слова: тарикат — путь подвижника, аяты — коранические выражения, джазаба — божественная любовь, маджзуби — избранник Бога.

Русскоязычная дагестанская лирика берет свое начало в суфийской средневековой любовной поэзии Востока. Зачастую это влияние происходит опосредованно через русский язык. Так, рубаи Хайяма и газели Хафиза в переводах на русский язык очень распространены в Дагестане. Одновременно подражательны и самобытны рубаи лезгинского поэта Арбена Мехединовича Кардаша («Меж восходом и закатом», 2006), пишущего на лезгинском и русском языках:

Ныне я уж не я — все иное: и взгляд, и язык,
К злым капризам судьбы я давно поневоле привык,
Мировая печаль тяжким грузом не давит на плечи:
Я Путем Караванным в небесные дали проник.

Судьба, мировая печаль, Караванный (Млечный) Путь вызывают ассоциативный метафорический ряд: предопределение, предначертание, рок, предзнаменование, день правосудия, день печали, день наказания, час дня, день воздаяния, день воскресения из мертвых, судный день, звезда Давида, щит Давида, Аль-Магест, Сириус, Орион, Близнецы, Диоскурии, Весы, Дева, Стрелец, Зодиак, Аврора, Венера, Церера.

Одним из основных мотивов восточной поэзии является преобразование человека, его духовно-нравственное воскресение. Строки Арбена Кардаша «ныне я уж не я» сами говорят за себя. На подсознательном уровне это означает переживание автором состояния «фана» или мнимой смерти, когда дуалистическое, «разделенное» сознание путника растворяется в мировом, Божественном разуме:

Боже, я перед Тобою — вихрь восторга и тоски,
И гадать вовек не стану я по линиям руки,
Лишь тебе мой путь известен, но веди меня тропою,
О которой не слыхали мудрецы и дураки.

Восторг и тоска, гадания, линии руки, путь, тропа, мудрецы и дураки вызывают соответственно ассоциативный метафорический ряд: единение и разлука, предопределение, интуиция, предчувствие, таро; рука Божья, длань Божья, десница

Божья, путь истины, тропа путника, посох Моисея, скипетр, жезл, радуга Завета, скрижали, ковчег, ладья, трон; пророки Адам, Идрис, Худ, Лут, Салих, Моисей, Аарон, Ибрахим, Якуб, Юсуф, Иисус, Мухаммад (а.с.); блаженный Василий, Сергей Радонежский, Никола-угодник и др.:

Если пью — как-будто палкой по лбу бьет меня вино,
Становлюсь пустым и вялым, как врага, кляня вино,
Но однажды от вина я стал как бы Джамшида чаша,
Потому что с Шихнесиром выпил я тебя, вино.

Под статью приведенному и другой рубайят:

Жизнь не чаша, что бросают, осушив ее, мой друг,
Не майдан, где пыль взметая, ты сплясал — и все, мой друг,
Жизнь — вином наполнив чашу, пронести ее, как солнце,
Жизнь идет, но до заката далеко еще, мой друг.

В обоих рубайятах главными, значимыми словами являются вино, чаша жизни, чаша Джамшида, солнце, которые «тянут» за собой ассоциативный и метафорический ряд символов: Чаша Джамшида, Святой Грааль, хрустальный шар Калиостро, эликсир вечности Сен-жермена, рог изобилия, ларец Кошца Бессмертного, вино вечности, молочные и медовые реки, шапка-невидимка, ковер-самобранка, сапоги-сороходы и т.д.

Среди русскоязычной дагестанской поэзии особое место занимает аварский поэт Муртуз Дугричилов, долгое время возглавлявший журнал «Наш Дагестан». Он издал множество прозаических и поэтических книг, наиболее известные из них «Последний газават», «Звездный Азимут». Можно с уверенностью утверждать, что впервые в Дагестане тему суфизма поднял именно он. До этого она замалчивалась, и не принято было о ней говорить. Муртуз Дугричилов перевел суфийский трактат шейха Накшбендийского тариката Абдурахмана ас-Сугури, его поэму «В ознаменование битвы при Шамхал-берды», а также поэму его сына Мухаммада-хаджи «Век — Давитель».

Муртуз перевел с аварского языка также поэмы Нажмудина Гоцинского (1), Узун-Хаджи (2) Салтынского, Ташев-Хаджи (3) и других богословов XIX в.

Впервые в дагестанской литературе им были опубликованы циклы суфийских стихов. Это были в основном четверостишия. Тут необходимо сделать одну очень важную оговорку. Дело в том, что в последнее время многие поэты стали разрабатывать суфийскую тематику и писать стихи подражательного характера. Это подражания Хайяму, Хафизу, Джамии, Саади. Можно сказать, что они используют суфийские образы и мотивы неосознанно, т.е. интуитивно. Однако с Дугричиловым дело обстоит иначе. Вот он как раз-таки отличается самобытностью и самостоятельностью и пишет вполне осознанно. Он не стремится подражать Хайяму, Хафизу. У него свой неповторимый почерк, своя система образов, почерпнутая из глубин собственного сознания и опыта предыдущих поколений (Абдурахман Сугури (4), Узун Хаджи) и устно-поэтического жанра поэзии. Все эти элементы переплав-

ляются в поэтическом тигле Дугричилова и выдается изумительный, диковинный продукт.

Рассмотрим несколько четверостиший поэта. Так, в одном из них он пишет:

О слепоте он думал безутешно
Вот хлынул свет. Но так, как в раны — соль.
И вздрогнул он, глаза прикрыв поспешно...
Прозреньё — это прежде всего — боль.
(«Прозрение»)

«Прозреньё» у нас вызывает сразу же метафорический ассоциативный ряд: судьба, предопределение, предсказание, исповедь, аяты, хадисы, псалмы и т.д.

Как видим, в четверостишии представлены такие религиозные мотивы, как откровение, скрижали закона, аяты, хадисы; философские — предопределение, рок, судьба; духовные — исповедь, предсказание и т.д.

Отшельники, аскеты, дервиши пытались достичь прозрения, озарения, мудрости, состояния самадхи. Можно даже сказать, что поэт вложил в эти строки некий мистический смысл.

В другом четверостишии автор пишет:

Да, я рассеян. Признаюсь. Уймись.
Что делать — не заменишь головы.
Тоскливо мне, когда вы веселитесь,
Зато смешно, когда мудрите вы.
(«Невпазд»)

Оно напоминает нам один из заповедей суфизма «В миру и не от мира сего». Иногда таких людей называют белыми воронами. Лирический герой Дугричилова не такой, как все, поэтому ему тоскливо, когда всем весело и смешно, когда они мудрят. Ср.:

Он жил средь людей, суеящихся слепо,
И жизнь его — молнии краткой под стать:
На миг осветив бесконечное небо,
Она прогремела лишь годы спустя.
(«Поэт»)

«Шаг в неизвестность и, глядишь — конец!
Бр-р... лучше не проверенный торец» —
Так в жизни опрометчивых поступков
Не делал рассудительный глупец.
(«Мудрость глупца»)

Какими бы ни были сильными плечи —
Так будет, так есть и так было:
Толпа возвышает кумиров полегче,
Великие — ей не под силу.
(«Кумиры»)

Чтобы подчеркнуть диссонанс, контраст толпы и поэта, автор использует яркую палитру: «сытая до одури толпа», «тьма-толпа», «суетящиеся слепо», «лакеи», «глупцы». Этим выражениям противопоставляются «герой», «гордец», «талант», «заступник», «поэт», «кумир».

В этих четверостишиях, несмотря на небольшой объем, поэт сумел распахнуть перед нами окна в новый, неизведанный, необыкновенный поэтический мир.

Строки Дугричилова наполнены мудростью, словно колосья, наполненные жизненной энергией!

Вместе с поэтом мы радуемся и печалимся, забываемся и задумываемся над смыслом бытия.

Говоря о дагестанской русскоязычной суфийской поэзии, нельзя не упомянуть имя кумыкского поэта Ачакана Казбекова. Большое место в его творчестве занимают стихи, образы и мотивы которых выдержаны в духе суфизма. Это такая тематика, характерная для ищущих, подвижников, как Путь, поиски Пути Истины, причем Путь рассматривается не в узком смысле дороги, тропы, а в широком, философском смысле:

Нашедший Путь, отмечен
сопричастием,
Нет розы без шипов,
но и шипов без роз.
Неравнодушие,
одетое в бесстрашие, —
Божественной любви
апофеоз.

Другим проявлением религиозно-мистических мотивов в творчестве Ачакана является то, что поэт в своих произведениях часто обращается к образам Ада и Рая и, соответственно, связанных с ними Добра и Зла, Воздаяния и Наказания, Праведности и Греховности.

Ад — прелюдия Рая.
Путь найти собираясь,
Очищайся, страдая,
Не страдай, очищаясь.

Отличительным свойством стихов молодой поэтессы Хамис Шамилевой является то, что символы, характерные высокой поэзии, она использует в обыденной, повседневной, казалось бы, ситуации, тем самым поднимая привычное до высот романтики:

Их много...
И я не одинока теперь...
Знаешь Солнце входит в окна?!
Через дверь только дождь заходит.

Иногда открытость, искренность, откровенность поэтессы шокирует: «Я знаю: Бог любит меня...» Или: «Я одинока, как Бог...»

Но если первое изречение можно понять, так как Бог с любовью творил свои создания, согласно Священному Писанию, то что же означает второе выражение?

Возможно, речь идет о том, что Господь Бог един, что он не похож ни на что из сотворенного и поэтому нельзя придавать ему сотоварищей... Бог действительно одинок в своей единственности, неповторимости, исключительности.

Одиночество лирической героини заключается в том, что она «отдалена, оторвана» от Творца, т.е. это тоска создания по Создателю, творения по Творцу. Мистик одинок, находясь в разлуке с Создателем, ибо покой ищущих, мятежных душ обретается только в Аллахе, в слиянии, растворении частного сознания в мировом разуме. Суфии, гуру и йоги называют это состояние нирваной, достижением полного блаженства и тотального счастья.

Видимое и скрытое, внутреннее и внешнее, словно сон и явь, перемешиваются в стихах Хамис, создавая неповторимую гармонию:

...По мечтам моим пели метели,
И года между днями шли...
...Тихие звезды окунулись
В полночь глаз твоих...

И дыхание мое коснулось небес...

Настроение лирической героини переменчиво в зависимости от ее внутреннего переживания: то «устали розы источать любовь», то «ароматом медовым исходит душа».

Мотивами неразделенной любви мистика и творца, влюбленной и возлюбленного изобилует поэзия средневековых суфийских поэтов Омара Хайяма, Хафиза, Низами, Саади и др.

Невозможно и неправомерно будет утверждать, что эти мотивы переняты Шамиловой из восточной поэзии, скорее всего, они своеобразно преломились в призмае ее творчества подчас неосознанно, на подсознательном уровне.

Несмотря на молодость, поэтический голос Хамис Шамиловой окрепший, имеет свою тональность. В этом голосе нет места фальшивым ноткам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Нажмутдин Гоцинский — IV имам Дагестана.
- (2) Узун-хаджи Салтынский — духовный наставник Н. Гоцинского.
- (3) Ташев — Хаджи — наиб имама Шамиля.
- (4) Абдурахман Сугури — тарикатский шейх, один из основоположников идеологии кавказского мюридизма.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ильясов Х.И.* Кавказский мюридизм в исторических и литературных судьбах. — ДНЦ РАН, 2002. — С. 120—230.
- [2] *Дугричилов М.* Последний газават. — Дагкнигоиздат, 1996. — С. 45—97.
- [3] *Шамилова Х.* Мелодия утренней песни. — Махачкала: Султанбекова Х.С., 2009.

RUSSIAN-SPEAKING LYRICAL POETRY OF DAGHESTAN

Kh.I. Ilyasov

Daghestan regional branch of the Federation of Peace and Harmony

World Str., 7, Kaspiysk, RD, 367000

The article analyzes the quatrains of contemporary national poets writing in Russian. In their creative work the associative metaphor line of symbols and images has been revealed. Arben Kardash's quatrains revealing such symbols as Rose and Nightingale, Sirius, David's shield, Aurora, Venire, Cerire have been analyzed thoroughly.

Murtuz Dougrichilov's poetry contains brightly expressed symbols of Rain, Purification, Mirror, Recovery of Sight, Fate, Predetermination, Destiny.

Achakan Kazbekov's works reveal the metaphor line rich in the images of Hell, Paradise, the Trial Day, the Scale, etc.

Khamis Shamilova's are Lover and Sweetheart, Work and Originator, Creature and Creator.

Key words: Taricat — the religious ascetic's way, The Ayyats — the Quran expressions, Dzazaba — the Divine love, Majzubi — selected by God.